

П. Э. БАЦИС

РОССИЯ И НЕЙТРАЛЬНАЯ НОРВЕГИЯ (1914—1917 гг.)

Отношения между Россией и Норвегией имеют многовековые добрососедские традиции. Разумеется, интересы двух стран могли сталкиваться, но разногласия обычно обсуждались и разрешались дружественно. Политика русского правительства в отношении Норвегии (которая в 1380—1814 гг. находилась в унии с Данией, а в 1814—1905 гг. в унии с Швецией) определялась не в последнюю очередь потребностью обеспечить безопасность северо-западных границ России и вместе с тем предотвратить возможность использования Скандинавских стран как плацдарма для нападения на Россию. В свою очередь Россия всегда в той или иной мере была фактором, с которым Норвегии приходилось считаться при формировании своей внешней политики во всей ее совокупности, что, естественно, вытекало из географической близости обоих государств¹.

В ответственный момент истории Норвегии, а именно при мирном разрыве ею унии со Швецией в 1905 г., Россия заняла доброжелательную по отношению к Норвегии позицию². Она первой из великих держав признала новое норвежское государство. Русское общественное мнение также стало на сторону норвежцев.

После расторжения шведско-норвежской унии Россия руководствовалась желанием наладить отношения доверия с новым норвежским государством, а также опасениями роста английского влияния в Норвегии, для усиления которого Англия могла бы воспользоваться Ноябрьским трактатом 1855 г. об англо-французских гарантиях территориальной целостности Швеции и Норвегии. Чтобы не давать повода норвежскому правительству требовать продления этого направленного против России договора, а также выбить почву из-под английских притязаний на роль защитницы Норвегии от России, русское правительство в сущности соединило свое признание независимости Норвегии с признанием этого государства во всей его территориальной целостности³. Именно Россия в лице министра иностранных дел А. П. Извольского явилась инициатором Христианийского гарантийного договора от 2 ноября 1907 г.⁴, по которому Норвегия получила международное признание своей неприкосновенности. Однако, по сравнению с первоначальным замыслом министерств иностранных дел России и Норвегии, в нем была опущена (из-за отказа Англии) гарантия нейтралитета⁵. В результате этого договора удалось предотвратить создание нежелательного для России панскандинавского союза и опасность устройства в непосредственном соседстве с русским Севером сильной английской или германской военно-морской «опе-

¹ E. Daniel sen. Norge — Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917—1940. Oslo, 1964, s. 9.

² «Документы о признании Россией норвежского независимого государства в 1905 г.» (с предисловием В. В. Похлебкина). — «Новая и новейшая история», 1958, № 4; S. J u n g a r. Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Åbo, 1969; см. нашу рецензию: «Новая и новейшая история», 1970, № 6, стр. 190—192.

³ «Признание Россией норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958, № 56, стр. 62.

⁴ Даты в статье приведены по новому стилю, а для русских документов в скобках еще и по старому стилю.

⁵ Эти вопросы подробно освещены в работе: F. L i n d b e r g. Scandinavia in Great Power Politics 1905—1908. Stockholm, 1958.

рационной базы»⁶. В конечном счете соглашение о гарантиях неприкосновенности Норвегии явилось дополнительным шагом по пути сближения России и Англии. Норвегия продолжала придерживаться нейтральной политики. Действия царской России, какими бы они тогда мотивами ни диктовались, еще более укрепили традиционные добрососедские отношения между обеими странами.

Совместные правила нейтралитета, принятые тремя скандинавскими государствами в 1912 г., подтвердили их миролюбивые намерения, и военный агент России в Скандинавии положительно оценил роль Норвегии в этом, считая, что последняя способна была удержать Швецию от участия в войне в Европе⁷.

Эту же цель — обеспечение своего тыла и всеобщего мира на Севере — Россия преследовала и во время переговоров о статусе Шпицбергена (1909—1914 гг.), в которых главными партнерами выступали три северные державы (Россия, Норвегия и Швеция). Царское правительство в первую очередь добивалось объявления Шпицбергена никому не принадлежащей территорией, одинаково доступной для промышленной эксплуатации всех народов и постоянно нейтральной⁸. Начало мировой войны сорвало эти переговоры, ход которых, однако, нисколько не омрачил последующих русско-норвежских отношений⁹.

На русско-норвежские отношения кануна первой мировой войны сильный отпечаток наложили русские опасения относительно позиции самой сильной из Скандинавских держав — Швеции, подпавшей, как несколько преувеличенно считали в царских дипломатических кругах, «всцело под влияние Германии». Поэтому традиционное тяготение Норвегии к Англии¹⁰ и возникавшая в начале XX в. финансовая зависимость от Франции отныне отвечали русским интересам; Норвегию считали возможным противовесом германофильской Швеции, а также препятствием к созданию под шведской эгидой панскандинавского блока. Присоединение Норвегии к Антанте считалось маловероятным, однако, учитывая крайнюю зависимость Норвегии от внешней торговли и мореплавания, русская миссия в Христиании не исключала, что, «связав торговые интересы этого государства с нашими, мы скорее всего будем в состоянии его привлечь в сферу нашего политического влияния»¹¹.

Что касается самой Норвегии, то ее позицию в случае войны совершенно четко определил министр иностранных дел Норвегии Н. Илен в заявлении посланнику России С. В. Арсеньеву в апреле 1914 г.: «О союзе между Норвегией и Швецией не может быть и речи, тем более что это значило бы примкнуть к враждебной России политической группе Тройственного Союза, к которому, по-видимому, примкнула Швеция. Норвегия желает остаться нейтральной. Все симпатии Норвегии на стороне Тройственного Соглашения, а не на стороне Германии и ее союзников»¹².

Как известно, нейтралитет военных лет наилучшим образом содействовал норвежской буржуазии для поддержания крайне выгодных для нее экономических связей с обеими враждующими группировками. Норвежская буржуазия действительно желала сохранения нейтралитета до конца войны и находилась под постоянным стра-

⁶ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Секретный архив, д. 378/384, л. 319 об. — 320; S. J u n g a r. Op. cit., s. 113.

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1912, д. 186, л. 8, 15(2). X.1912.

⁸ См. подробнее: Tr. M a t h i s e n. Svalbard i internasjonal politikk 1871—1925. Oslo, 1951; В. М. П а с е ч к и й. Шпицбергенский вопрос в начале XX века. — «Русские арктические экспедиции XVIII—XX веков». Л., 1964.

⁹ В советской и норвежской литературе наибольший интерес привлек, естественно, послеоктябрьский период отношений между обеими странами. Что касается русско-норвежских отношений времен первой мировой войны, то они до сих пор специально не исследовались, даже авторами работ по истории внешней политики нейтральной Норвегии в годы войны. Один из них, У. Ристе (O. R i s t e. The Neutral Ally. Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo, 1965), пишет, без достаточных на то оснований, о якобы отсутствии у правительства России в то время интереса к норвежским делам (там же, стр. 9).

¹⁰ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 106.

¹¹ АВПР, ф. II. Департамент, 1—5, д. 257, л. 13—14, И. Г. Лорис-Меликов — Сазонову, 4. XII (21. XI). 1913.

¹² «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства» (далее — МОЭИ), сер. 3, т. II, М. — Л., 1933, № 157.

хом, что одна из группировок насильственно втянет ее страну в войну¹³. Нейтральное положение Норвегии представляло определенные выгоды и для обеих воевавших группировок, приобретавших при ее посредстве недостающие материалы. Нейтралы Европы превратились в «отдушины» для воевавших государств: поэтому их нейтралитет оказался терпимым¹⁴.

4 августа 1914 г. Норвегия официально объявила о своем нейтралитете в войне между великими державами. В связи с неопределенностью позиции Швеции и слухами о немецком давлении на Скандинавские страны Англия предложила министру иностранных дел России С. Д. Сазонову присоединиться к союзническому демаршу Нидерландов, Бельгии и Норвегии, что в случае применения Германией давления с целью заставить эти страны отказаться от нейтралитета Англия, Россия и Франция поддержат их. В тот же день министерство иностранных дел отправило инструкции в этом смысле в русские миссии в трех странах¹⁵. Уже 6 августа (24 июля) русский посланник в Христиании смог сообщить о выполнении инструкции и реакции министра иностранных дел Норвегии Н. Илена: «Заявление мое, что Норвегия может рассчитывать на активную помощь Держав Тройственного Соглашения для ее неприкосновенности произвело на него самое лучшее впечатление»¹⁶. Месяц спустя С. В. Арсеньев телеграфировал о доверительном сообщении ему его английским коллегой, что норвежское правительство обеспокоено слухом о посылке отряда в 5 тыс. человек из Архангельска к норвежской границе, а поэтому желательно опровергнуть его, ибо «это известие усилит здешнее влияние Германии, которая всячески старается возбудить недоверие к России»¹⁷. Царь на своем экземпляре телеграммы отметил: «Вадор». На следующий день Сазонов приказал категорически указать на абсурдность этого слуха¹⁸. Да и в норвежских военных кругах «восточная» опасность явно считалась анахронизмом и не принималась во внимание. Военный корреспондент газеты «Aftenposten» писал 2 августа 1914 г.: «На нашей границе с Россией военные действия немыслимы в настоящее время»¹⁹.

Мировая империалистическая война подвергла нейтралитет Норвегии серьезному испытанию. Ранее торжественно признанные великими державами права нейтралов без зазрения совести нарушались, в особенности на море, вследствие блокады Германии союзниками и подводной войны со стороны немцев. «Обычаи и законы, касающиеся нейтральных стран, — писал в 1918 г. В. И. Ленин, — перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как клочок бумаги. Эти слова принято цитировать и вспоминать, как образец цинизма внешней политики империализма»²⁰.

Начало войны создало новую ситуацию в Скандинавии. Россия больше других великих держав была заинтересована в сохранении мира на Скандинавском полуострове, чтобы быть уверенной в безопасности своего северного фланга. Скандинавские страны стали важной территорией для транзита необходимых материалов с Запада в Россию. Забота о сохранении мира с Россией явилась и постоянным фактором норвежской внешней политики²¹. Более того, Норвегия в ходе войны

¹³ Вот что писали директора Национального банка Нью-Йорка Е. Мак-Роберт и В. Риг президенту банка В. Вандерлипу о своем разговоре 6 мая 1916 г. с членами правительства Норвегии Кнудсенем, Иленом, Омхольтом: «В то время как их симпатии откровенно на стороне союзников, они открыто заявляют, что намерены отстаивать строгий нейтралитет и выжать из ситуации все деньги, которые только они могут». — Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 624, оп. 1, д. 68, л. 2; P. V o g t. *Jerntid og jobbetid*. Oslo, 1938, s. 54—55.

¹⁴ Ф. И. Н о т о в и ч. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. 1. М., 1947, стр. 153—154. См. также: А. С. К а н. В. И. Ленин. Советская Россия и нейтральные государства Европы. — «Ленинская внешняя политика Советской страны 1917—1924 гг.». М., 1969, стр. 168—170.

¹⁵ МОЭИ, сер. 3, т. V, № 517, 556.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1914, д. 291, л. 22.

¹⁷ Там же, л. 38. Арсеньев — Сазонову, 4. IX (22. VIII). 1914.

¹⁸ Там же, д. 101, л. 21; д. 75-а, л. 455.

¹⁹ Цит. по: O. R i s t e. *Op. cit.*, p. 242; см. также O. H. M u n t h e-K a a s. *Norges grensevakt i nordst fra 1918-til 1963*. Oslo, 1964, s. 20.

²⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 331.

²¹ R. T h o m e s s e n. *Norges utenrikspolitikk under verdenskrigen*. Kristiania, 1917, s. 29.

стала играть некоторую роль в пополнении оскудевших производительных сил России (станки, селитра, алюминий). Интересы союзников требовали вместе с тем прекращения снабжения Германии из Скандинавии как материалами союзного происхождения, так и товарами собственно скандинавского производства. Война на море и в особенности угроза немецких подводных лодок русским заполярно-океанским коммуникациям заставили Россию опасаться создания германских операционных баз в Норвегии. В русской скандинавской политике не последнее место занимала тревога по поводу пресловутого панскандинавского блока, в результате образования которого Норвегия могла попасть под влияние более сильной Швеции. Нежелательной для России была бы и выработка совместной скандинавской политики в отношении русского транзита.

После открытия военных действий Норвегия начала служить для России транзитной территорией, поскольку Балтийское и Черное моря оказались закрытыми для Антанты. Однако пропускная способность норвежских портов была ограничена даже по сравнению со шведским Гетеборгом, не говоря уже о Копенгагене²².

Большое значение для России имела Норвегия как страна, лежащая близ заполярных океанских коммуникаций — важнейших путей, по которым в Россию поступали из союзных и нейтральных стран различного рода военные грузы, необходимые для ведения войны, и шел обмен товарами с этими странами. Германия пыталась помешать этому движению грузов. Несмотря на линию английских блокирующих судов, немецкий вспомогательный крейсер «Метеор» прошел в Белое море и в июне 1915 г. поставил там 10 банок из 285 мин, о чем в России стало известно только в начале 1916 г.²³

11 июня (29 мая) 1915 г. на mine подрывался пароход «Арендаль». Предполагали, что мины поставлены немцами с подводных лодок или с нейтральных пароходов, в том числе и с норвежских²⁴. К этому, в частности, склонялся консул России в Финмаркене Г. Г. фон Цур-Мюлен²⁵. По представлению русского министерства иностранных дел норвежское правительство охотно провело подробное дознание, и подозрение, естественно, не подтвердилось²⁶. Посланник Норвегии в Петрограде Пребенсен уведомил министерство иностранных дел России, что норвежское правительство принимает самые широкие меры к предупреждению возможных нарушений нейтралитета в местностях и портах северной Норвегии, делающие невозможным уход оттуда судна, груженного минами²⁷.

Не подтвердились и упорные, тревожившие морское ведомство России слухи о неизвестной (даже для норвежских властей) германской заправочной базе подводных лодок в северной Норвегии²⁸. В ответ на соответствующие русские запросы Илен в июне и сентябре 1915 г. дважды категорически заявил, что «норвежское правительство никогда не допустит, чтобы Германия пользовалась норвежской территорией как базой для враждебных, по-видимому, замыслов против России». Русский консул в Финмаркене сообщил, что норвежским властям предписано строго следить, чтобы

²² O. R i s t e. Op. cit., p. 50. По свидетельству командированного в Скандинавию лейтенанта Андреева, в результате наплыва с начала войны большого количества транзитных грузов для России транспортные конторы Швеции и Норвегии не только не могли разобраться с ними, но даже не справлялись с почтовой перепиской, образовавшейся по этим делам, а таможи этих стран не успевали осматривать эти грузы. Правда, в начале сентября 1915 г. наметилось некоторое улучшение положения. — Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР (далее — ЦГАВМФ), ф. 418, оп. 1, д. 4666, л. 37 об.

²³ П. Д. Б ы к о в. Военные действия на северном русском морском театре в империалистическую войну 1914—1918 гг. Л., 1939, стр. 8—9, 29—30; К. Ф. Ф о к е е в. Действия русской флотилии Северного Ледовитого океана 1914—1917. — «Флот в первой мировой войне», т. 1. М., 1964, стр. 577, 586; J. S. C o r b e t t. Naval Operations. Vol. 3. London, 1923, p. 49.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 378, оп. 1, д. 93, л. 66 об.; «Morgenbladet», 10. VIII. 1916.

²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 44, л. 32.

²⁶ Там же, д. 91, т. II, л. 684, 11. VIII (29. VII). 1915; д. 44, л. 43. Арсеньев — Нератову 14 (1). VIII. 1915.

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1; д. 3023, л. 65, 63, ср. «Tidens Tegn», 27. IX. 1916.

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 44, л. 17, Арсеньев — МИД, 24(11). V. 1915; д. 92, т. I, л. 39, 46; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3023, л. 41 об.

суда воюющих держав не снабжались в Норвегии минеральным топливом²⁹. Решение послать подводные лодки для операций в Северном Ледовитом океане Германия приняла лишь в сентябре 1916 г.³⁰

Подозрения царских военно-морских властей в отношении Норвегии больше всего свидетельствовали об их растерянности и неподготовленности для отражения германских действий по нарушению северного пути сообщения России с союзниками³¹.

Наиболее активное выступление царской дипломатии в отношении Норвегии относилось к тому же 1916 г. и было вызвано ее опасениями шведского выступления на стороне Германии. Они усилились под влиянием препирательства между Англией и Швецией по вопросу о русском транзите — Швеция не хотела его пропускать без соответствующих компенсаций по ввозу в Швецию из Англии. Переговоры же по заключению англо-шведского торгового договора зашли в тупик³².

При таком обороте дел Сазонов 31 (18) января 1916 г. инструктировал посла в Лондоне Бенкендорфа обсудить с «Форин оффис», «каким образом, в случае надобности, можно было бы оказать Норвегии не только нравственную, но и действительную поддержку для создания из нее противовеса Швеции, если бы последняя обратилась против нас»³³. При этом вопрос должен был обсуждаться в строгой тайне, чтобы не вызвать в Швеции «опасное возбуждение». Министр иностранных дел Англии Грей ограничился тем, что предписал посланнику в Христиании получить заверения в том, что между Норвегией и Швецией не начаты никакие переговоры, могущие внушить последней уверенность насчет позиции Норвегии, ибо это может оказать на Швецию сдерживающее влияние. Идти далее Грей отказался³⁴. Франция же, не считая правдоподобным нападение на Россию со стороны Швеции, выразила «готовность безотлагательно обдумать эту случайность и приготовиться к ней»³⁵.

Основываясь на этом ответе Бриана, Сазонов 5 февраля (23 января) 1916 г. предписал послам в Париже и в Лондоне пока обсудить этот вопрос только между Россией, Францией и Англией, не возбуждая его на Парижском совещании с участием остальных союзников. В тот же день министр иностранных дел в совершенно доверительном письме начальнику штаба генералу Алексею изложил положение дел, отнеся позицию Норвегии как более «обнадеживающую» для России и подчеркнул: «Если бы удалось побудить ее в свою очередь выступить тогда против Швеции, это, несомненно, облегчило бы нам задачу отражения шведского нападения»³⁶.

К вопросу об использовании Норвегии в противовес Швеции Сазонов вскоре вернулся в связи с русско-шведской дипломатической перепиской по поводу явочным порядком возведенных Россией укреплений на Аландских островах; шведские активисты подняли шумную кампанию по этому поводу. В министерстве иностранных дел России вновь опасались шведского выступления на стороне Германии³⁷.

Теперь Сазонов решил зондировать почву в Норвегии в обход Англии — через нового посланника России в Христиании К. Н. Гулькевича. Последний должен был проверить, действительно ли следует толковать известное шведско-норвежское соглашение 8 августа 1914 г.³⁸ в том смысле, что «обе эти страны взаимно обязались не на-

²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1915, д. 44, л. 26. Арсеньев — МИД, 24(11). VI. 1915. По своим тактико-техническим данным (см. A. Sprindler. Der Handelskrieg mit U-Boot, B. 1, Berlin, 1934, S. 162—163; B. 3. S. 250—251; Морской атлас, т. III, военно-исторический, ч. 1. М., 1958, л. 43Г) действовавшие на Севере немецкие подводные лодки вполне могли обойтись без баз на норвежской территории. См. также: M a r i n e n. Nøytralitetsvernet 1914—1918 samt nøytralitetsvernets avvikling 1918—1919. Utarbeidet i Admiralstaben. Oslo, 1940, S. 16, 19, 21, 22.

³⁰ A. Sprindler. Op. cit., B. 3, S. 232.

³¹ Ср. П. Д. Б ы к о в. Указ. соч., стр. 34.

³² Подробнее см.: B. H o l t z e. Sverige i britiska bedömningar under första världskriget. — «Aktuellt och historiskt», 1971, s. 129—148.

³³ МОИ, сер. 3, т. X, № 114, см. также № 70.

³⁴ Там же, № 130, 65, 190.

³⁵ Там же, стр. 125, прим. 1; стр. 230, прим. 3 к № 223.

³⁶ Там же, стр. 174, прим. 2 к № 168, 138.

³⁷ См. «Дневник МИД за 1916 г.» — «Красный архив», т. 1(32), 1929, стр. 35—46, 48—50.

³⁸ По этому вопросу имеется специальное исследование: O. R i s t e. Den svensk-norske nøytralitetsavtalen i august 1914. — «Historisk Tidsskrift», Oslo, 1962, № 4, s. 347—353.

падать друг на друга, даже если бы обстоятельства заставили их примкнуть к противоположным группам «воюющих»»³⁹. Гулькевич сообщил своему шефу о существовании, несмотря на наличие такого соглашения, недоверия между Швецией и Норвегией. Сам норвежский премьер-министр Г. Кнудсен сказал по этому поводу посланнику, что недоверие между Норвегией и Швецией взаимно и соглашение, заключенное в августе 1914 г., не смогло рассеять его. Гулькевич указывал и на то, что мобилизованные Норвегией силы продолжают оставаться сосредоточенными преимущественно против Швеции в области Нарвика и Тронхейма. Поэтому, по заключению русского посланника, «было бы неправильно толковать существующее между Норвегией и Швецией соглашение как обстоятельство, могущее безусловно предотвратить возможное между ними столкновение»⁴⁰.

В конце мая 1916 г. русско-шведские разногласия по аландскому вопросу удалось временно уладить, и нажим на Норвегию с целью побудить ее оказать давление на Швецию так и не понадобился.

С лета 1916 г. усилилась, как уже отмечалось выше, угроза со стороны германских подлодок для северных межсоюзнических коммуникаций. 22 августа 1916 г. Норвегии, как и другим нейтральным государствам, был вручен меморандум союзников относительно недопущения подводных лодок в гавани и береговые воды. При этом было подчеркнуто, что любое место, где подводные лодки могут получить стоянку и снабжение, равнозначно операционной базе⁴¹. Гулькевич охотно присоединился к французскому и английскому посланникам, не получив даже соответствующих указаний от своего министерства. Илен сказал, что ответит по изучении вопроса, так как до этого подводным лодкам не запрещалось плавание в норвежских территориальных водах при условии непогружения в воду⁴².

Боевая кампания немецких подводных лодок на Севере началась 26 сентября 1916 г. В течение пяти дней было потоплено 10 шедших в Россию и из России судов, причем все норвежские. Нормальная патрульная охрана со стороны военных кораблей союзников на Севере отсутствовала, о чем с беспокойством доносил 8 октября 1916 г. норвежский генеральный консул в Архангельске Фальсен в министерство иностранных дел Норвегии⁴³. По просьбе норвежского консула местные власти впредь обещали осведомлять его (для передачи норвежским капитанам) о пунктах обнаружения подлодок; было решено по соглашению с англичанами усилить охрану морского пространства от Архангельска до самой норвежской границы, а также вызвать на помощь английские эсминцы. Фальсен был удовлетворен и успокоен этими мерами⁴⁴.

В свою очередь русские военно-морские власти осенью 1916 г. просили свое министерство иностранных дел побудить норвежское правительство к принятию репрессивных мер в отношении германского пароходства в норвежских водах, вплоть до интернирования всех пароходов⁴⁵. 12 октября товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов предписал Гулькевичу объяснить с норвежским министром иностранных дел в указанном смысле, потребовав установления строжайшего надзора за немецким судоходством в норвежских территориальных водах и в портах, который, «может быть, мог бы быть доведен до интернирования наиболее подозрительных германских судов в норвежских портах»⁴⁶. 13 октября английскому и французскому посольствам в Петрограде были переданы памятные записки с предложением, чтобы их правительства присоединились к демаршу в связи с потоплениями кораблей на

³⁹ Это заявил шведский министр иностранных дел Валленберг посланнику Англии в Стокгольме. — АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 109, ч. 1, л. 115, Сазонов — Гулькевичу 30(17). IV. 1916.

⁴⁰ Там же, д. 39, л. 48—49, 54, Гулькевич — Сазонову 8. V (25. IV). 1916.

⁴¹ Oversigt over de vigtigste av utenriksdepartementet behandlede saker som egner sig for offentliggjørelse, B. 2. Kristiania, 1920, s. 8.

⁴² Образ действия посланника был полностью одобрен в МИД. — АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 39, л. 135.

⁴³ O. R i s t e. The Neutral Ally..., p. 258.

⁴⁴ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3947, л. 17, 18, 10. X (28. IX). 1916.

⁴⁵ АВПР, ф. Экономический департамент, д. 42, л. 6 об.

⁴⁶ Там же, ф. Канцелярия, 1916, д. 79, т. II, л. 854.

Севере при обстоятельствах, которые, как полагает царское правительство, требуют от Норвегии устранить в норвежских портах «toutes conditions allemandes» (условия для враждебных действий германских судов)⁴⁷.

Таким образом, по русской инициативе вопрос о подводных лодках был перенесен в несколько иную плоскость — недопущения в норвежские порты немецких судов, подозреваемых в подвозе горючего для подлодок.

Норвежское правительство пошло навстречу Антанте. 13 октября 1916 г. было издано постановление, запрещающее подводным лодкам воюющих сторон находиться в территориальных водах Норвегии, за исключением плохой погоды или аварии, но в таких случаях они должны находиться в надводном состоянии и с поднятым национальным флагом. При нарушении этих правил допускалось применение военных мер. Уже после этого постановления Гулькевич объяснился, по предписанию Нератова, с Кнудсенем и Иленом. Как и можно было ожидать, оба сослались на указанное постановление и заверили посланника, что правительство установило в норвежских территориальных водах тщательное наблюдение. Илен сообщил даже о предстоящем интернировании подозрительных немецких судов, но русский посланник был уверен, что «на это никак не решатся, опасаясь разрыва с Германией, ибо страна решительно не желает быть вовлечена в войну»⁴⁸.

20 октября немецкий посланник в Норвегии вручил ноту протеста Илену, где была выражена твердая надежда, что норвежское правительство после нового рассмотрения возьмет обратно постановление 13 октября, как изданное под давлением Англии и всецело направленное против Германии⁴⁹. В Норвегии возникшее положение рассматривалось как очень серьезное; там опасались вовлечения в войну⁵⁰. По свидетельству назначенного на вновь образованную должность помощника военно-морского агента России по Норвегии П. П. фон Веймарна, король Хокон VII был очень расстроен и в темных красках рисовал судьбу Норвегии, если правительство не возьмет обратно своего постановления⁵¹.

Согласно версии Веймарна, Гулькевич немедленно сообщил о настроении короля английскому посланнику Финдлею, который передал через русского посланника, обедавшего в тот день у премьер-министра Норвегии, что советует норвежскому правительству ничего не предпринимать и не давать немцам окончательного ответа, не переговорив предварительно с ним (Финдлеем), ибо норвежские уступки Германии во вред Антанте вызовут соответственные меры со стороны Англии. Кнудсен, по словам Гулькевича, отстаивавший более твердую линию политики, заявил последнему, что также не считает возможным пойти назад⁵².

В то время как норвежское правительство искало совместимого с национальным достоинством страны выхода, перед союзниками встал вопрос, что же в конечном итоге выгоднее для них: участие Норвегии в войне против Германии или благожелательный нейтралитет Норвегии⁵³. По мнению русского посланника, ввиду полной военной неподготовленности Норвегии присоединение ее к Антанте не принесло бы большой пользы России⁵⁴. Кроме того, норвежские торговые суда потеряли бы возможность

⁴⁷ Там же, ф. Экономический департамент, д. 41, л. 97.

⁴⁸ W. K e i l h a u. Norge og verdenskrigen. Oslo, 1927, s. 141; АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 39, л. 177. Гулькевич — Нератову. 19(6). X. 1916.

⁴⁹ O. R i s t e. The Neutral Ally..., p. 141. По мнению же русского посланника, «королевское постановление от 13 октября с. г. обязано своим возникновением главным образом потоплению немцами принадлежавшего Председателю Совета Министров судна «Христиан Кнудсен». — АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 41, л. 4, 25 (19), XII. 1916. Это произошло 9 октября. — «Tidens Tegn», 10. X. 1916.

⁵⁰ W. K e i l h a u. Op. cit., s. 147. X. Нурман расценивает немецкую ноту «ультиматум» «как дипломатический блеф со стороны МИД Германии». — H. N o r m a n n. Et «ultimatum». — «Norsk militaert tidsskrift», 1963, № 1, s. 25.

⁵¹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3948, л. 40 об., 5. XI (23. X). 1916.

⁵² АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 39, л. 187, 26 (13). X. 1916.

⁵³ О рассмотрении этого вопроса в Англии и Франции см.: O. R i s t e. The Neutral Ally..., p. 148—154.

⁵⁴ В этом отношении оценка Гулькевича совпадала с мнением военного агента России в Швеции и Норвегии полковника Л. Д. Кандаурова.

служить Антанте. С другой стороны, представление Англии базы в Кристиансанне парализовало бы действия немецкого флота. Вместе с тем, по словам Гулькевича, малейшее посягательство на незыблемость королевского постановления было бы «неоправданным для нас ущербом»⁵⁵.

2 ноября 1916 г. по инициативе французского правительства Франция и Англия заявили норвежскому правительству, что союзники отнюдь не желают вовлечь Норвегию в войну; если тем не менее произойдет разрыв между ней и Германией, оба государства придут на помощь Норвегии всеми средствами⁵⁶. Русский посланник сообщал своему министерству иностранных дел, что предложение помощи Норвегии в трудное для нее время одними западными союзниками, помимо России — ближайшей ее соседки, — может иметь весьма невыгодные для позиций России в Норвегии последствия. Поэтому он просил поручить ему заявить норвежскому правительству, «что и Россия, со своей стороны, окажет Норвегии соответствующее содействие, если бы такое ей было желательно»⁵⁷. По понятным соображениям я буду избегать указания норвежцам, что наша помощь могла бы быть направлена против шведов, их естественных врагов»⁵⁸.

5 ноября министерство иностранных дел России одобрило позицию Гулькевича: «Мы разделяем мнение Англии и Франции, что Норвегии надлежало бы занять по отношению к германским требованиям положение, лишенное всякого характера вызова, но, вместе с тем, твердое, и что в случае разрыва она может рассчитывать на полную поддержку со стороны союзников»⁵⁹. После того как Гулькевича известили о письме царя королю Норвегии и о заявлении министерства иностранных дел России норвежскому посланнику в Петрограде, русский посланник устно сообщил Илену, что правительство России «готово оказать Норвегии в случае разрыва с Германией всю возможную военную помощь, если и не сухопутным путем, то по меньшей мере морем». Илен в свою очередь сказал Гулькевичу, что он, хотя и надеется избежать разрыва с Германией, тем не менее «горячо признателен за обещанную ценную помощь»⁶⁰.

Тем временем правительство Норвегии попыталось добиться некоторого компромисса и с Германией. В результате с британской стороны на Норвегию был оказан нажим, поддержанный и Гулькевичем⁶¹. На пороге 1917 г. он отметил: «Надежды министров Норвегии, что им удастся успешно балансировать между обеими группами, на которые разделилась Европа, не осуществились, и плоды такой политики налицо»⁶².

Сообщение посланника в Христиании об обострении англо-норвежских отношений на рубеже 1916—1917 гг. привлекло внимание министерства иностранных дел России. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский в беседах с британским послом обратил серьезное внимание последнего на раздражение, вызываемое в Норвегии репрессивными мерами английского правительства. При этом он указал, что «для России сохранение дружественных отношений со скандинавскими странами является делом исключительной важности как с военной, так и с торгово-экономической точки зрения». Посол Англии Бьюкенен обещал передать в Лондон соображения Покровского о желательности более мягкого отношения Англии к норвежскому правительству. Об этом известили Гулькевича, а царскому поверенному в делах в Лондоне предписали объясниться в том же смысле с английским правительством⁶³. Однако проекты русского посланника поддержать отдельные пожелания норвежцев об ослаблении Англией блокадных мероприятий для норвежских судоходных компаний решительно отвергались в Петрограде. «На Англию падает тяжесть и ответственность борьбы с по-

⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 39, л. 185, 24 (11) X. 1916.

⁵⁶ Там же, л. 198, 3. XI (21.X) 1916.

⁵⁷ Эти слова были подчеркнуты царем на своем экземпляре телеграммы посланника с отметкой: «Я пишу сегодня королю норвежскому в этом же смысле». — АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 97, л. 94, Царское Село, 6. XI (24. X). 1916.

⁵⁸ Там же, д. 39, л. 200, 4. XI (22. X). 1916.

⁵⁹ Там же, д. 109, ч. II, л. 140, МИД — Гулькевичу, 5. XI (23. X), 1916. Кроме Христиании телеграмма была передана в Париж и Лондон.

⁶⁰ W. K e i l h a u. Vår egen tid. Oslo, 1938, s. 286; АВПР, ф. Канцелярия, 1916, д. 39, л. 204, 213, 14 (1). XI. 1916.

⁶¹ Там же, д. 41, л. 14.

⁶² Там же, л. 8, 7. I. 1917 (20. XII. 1916).

⁶³ Там же, 1917, д. 96, л. 25, 33, 16 (3). I. 1917.

следствиями германской блокады, и наше вмешательство может только затруднить успешность проводимых Англией мер»⁶⁴.

Во всех слоях норвежского общества приветствовали Февральскую революцию в России⁶⁵. Деловые круги Норвегии, в частности, надеялись после прихода русской буржуазии к власти увеличить капиталовложения и расширить задуманную экспортную и предпринимательскую деятельность на русском рынке. Именно последнее обстоятельство наложило значительный отпечаток на норвежскую внешнюю политику в отношении буржуазной России; к этому добавлялся и благожелательный нейтралитет Норвегии в отношении Антанты. Хотя правительство Норвегии положительно относилось к Февральской революции, в вопросе о дипломатическом признании Временного правительства оно было осторожно, выжидая реакцию Антанты и Скандинавских государств. Только 3 апреля 1917 г. (вслед за Англией, Францией и США) оно признало де-юре Временное правительство⁶⁶.

Внешняя политика буржуазной России в отношении Норвегии ознаменовалась постепенным затуханием активности. Несмотря на попытки Временного правительства претендовать на равное с главными союзниками положение в Антанте, ряд жестоких поражений его внешней политики вскоре показал нерелевантность этих потуг и выявил резкое падение престижа российского империализма⁶⁷.

В связи с возобновлением действий немецких подводных лодок на Севере весной 1917 г. союзники требовали от Норвегии не допустить снабжения вражеских подлодок горючим с немецких пароходов в норвежских водах. Морское министерство России 14 (1) апреля 1917 г. сообщило министру иностранных дел П. Н. Милюкову свое предположение, что для этой цели в порты северной Норвегии приходят немецкие пароходы, например «Сильвия» и «Кнут»⁶⁸. Поэтому министерство иностранных дел предписало посланнику в Христиании сделать норвежскому правительству представление. От Норвегии вообще ожидали «проведения в жизнь самых энергичных мер для предотвращения фактического нарушения немцами норвежского нейтралитета, к соблюдению которого приложим со своей стороны все меры»⁶⁹.

Премьер-министр Норвегии Кнудсен ответил Гулькевичу, что само норвежское правительство сильно озабочено тем, чтобы не допустить создания в Норвегии баз для германских подводных лодок, истребивших почти треть флота страны, и что норвежские суда осуществляют строгий надзор в береговых водах, тщательно проверяя все сообщения англичан о появлении у берегов страны подозрительных кораблей. Премьер-министр обещал приложить в этом направлении еще больше старания. Английский посланник подтвердил Гулькевичу слова Кнудсена и добавил, что сам он неоднократно доносил об отличной службе норвежского флота⁷⁰. Когда русский поверенный в делах Пилар, оставшийся в Христиании после перевода Гулькевича в Швецию, вновь заявил Илену о подозрительной роли «Сильвии», то последний обещал при появлении этого корабля в норвежских водах посадить на него таможенного чиновника, который покинет судно только при обратном выходе из территориальных вод Норвегии (такое правило ввели в отношении всех торговых судов воюющих государств). Этим, по мнению Пилара, преследуемая Россией цель была достигнута⁷¹.

Такая переписка с Норвегией была вызвана в значительной мере тем, что русские военно-морские силы на Севере ввиду своей малочисленности по-прежнему не могли полностью гарантировать безопасность столь важного для союзников пути⁷².

Летом 1917 г. Временное правительство было твердо убеждено, что сохранение Норвегией благожелательного по отношению к Антанте нейтралитета предпочтительнее, чем вовлечение ее в войну с Германией. Русский поверенный в делах полагал, что

⁶⁴ Там же, л. 272, Нольде — Гулькевичу, 9. II. (27. 1). 1917.

⁶⁵ Вопрос об отношении к Февральской революции в Норвегии требует специального исследования.

⁶⁶ E. Danielson. Op. cit., s. 39—43.

⁶⁷ А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1967, стр. 149.

⁶⁸ АВВР, ф. Экономический департамент, д. 42, л. 14.

⁶⁹ Там же, ф. Канцелярия, 1917, д. 97, т. II, л. 497 об; д. 98, т. II, л. 511.

⁷⁰ Там же, д. 49, л. 108, 30 (17). IV. 1917.

⁷¹ Там же, л. 160, 26 (13). VI. 1917.

⁷² Там же, ф. Экономический департамент, д. 42, л. 26 об. 22 (9). VI. 1917.

в последнем случае Норвегия смогла бы предоставить союзникам в смысле военных сил лишь слабую милицию; хуже всего были бы прекращение для России сообщения с Западной Европой и невозможность перевозить через Норвегию нужные России товары. Поэтому, учитывая усиление антигерманских и проантантовских настроений в Норвегии, Пилар высказал некоторую тревогу и просил указания, «не следует ли действовать немного умеряюще на боевой пыл норвежцев и их правительства» ⁷³.

В сентябре 1917 г. в связи с попыткой США полностью прекратить экспорт из Скандинавских стран в Германию английское посольство в Петрограде было инструктировано «пригласить правительство России предпринять без промедления подобную же акцию и ограничить, насколько возможно, весь экспорт в Скандинавию и Голландию». Русская миссия в Христиании исполнила просьбу Финдлея, приостановив сначала взятие подписок-гарантий на русскую пеньку, а потом и ввоз пеньки в Норвегию, чтобы норвежский рыбный промысел не стал менее зависимым от США и Англии. При этом поверенный в делах сначала пытался было возразить, что вывоз пеньки нужен самой России для получения валюты, но пришел к выводу, что «согласованные действия всех союзных держав в прекращении всякого ввоза Германии еще важнее» ⁷⁴.

Временное правительство и тут оказалось наиболее сдержанным среди союзников в политике экономического нажима на Норвегию. Министр иностранных дел М. И. Терещенко 10 октября (27 сентября) просил правящие круги в Лондоне, Париже и Вашингтоне предварительно совместно обсудить вопрос, так как его постановка может отразиться на отношениях добрососедства, существующих между Россией и Швецией и Норвегией. Он полагал, что в этом случае необходимо считаться с возможностью «нарушения всяких соглашений, заключенных нами в экономической области со скандинавскими державами, потери важнейших, с точки зрения обороны, при настоящем положении вещей, шведских и норвежских рынков, сведения на нет усилий к противодействию дальнейшему обесценению рубля, прекращения наиболее короткого и налаженного транзитного пути от союзников» ⁷⁵. Но это уже был глас вопиющего в пустыне. В Христиании тем временем русские представители сотрудничали с английской миссией, а из Лондона сообщали, что демарш задуман не столь категорически ⁷⁶. Великая Октябрьская социалистическая революция, положив конец империалистическому союзу правительств России и Англии, одновременно избавила Россию от дальнейшего участия в усилиях Англии окончательно превратить Норвегию в «нейтрального союзника» Антанты.

Таким образом, во внешней политике России по отношению к Норвегии в 1914—1917 гг. предпочтение отдавалось сохранению Норвегией нейтралитета, разумеется, проантантовского, ее участие в войне не считалось целесообразным. Исключением были намерения царской дипломатии в первой половине 1916 г. превратить Норвегию в «противовес на Севере германофильской Швеции» (но и то лишь в случае выступления Швеции на стороне Германии). В конечном же счете Норвегия была вовлечена в борьбу великих держав на стороне Антанты лишь косвенным образом, в отличие, например, от Греции или даже Португалии. «Теперьшняя империалистская война, — писал В. И. Ленин в 1916 г., — показывает нам примеры того, как удастся втянуть маленькое, независимое политически государство, силой финансовых связей и экономических интересов, в борьбу между великими державами» ⁷⁷.

В рассматриваемый период ни с одной из пограничных стран Европы Россия не имела столь благоприятных отношений, как с Норвегией. В стремлении всячески использовать нейтральную Норвегию в интересах Антанты главная роль принадлежала Англии. Влияние царской, а затем дипломатии Временного правительства на решения Антанты в отношении Норвегии неуклонно слабело.

⁷³ Там же, ф. Канцелярия, 1917, д. 49, л. 169—171, з. VII. (20. VI). 1917.

⁷⁴ АВПр, ф. Канцелярия, 1917, д. 100, л. 149, 23(10). IX: 1917; д. 49, л. 232, 261, 218, 22(9), IX. 1917.

⁷⁵ Там же, д. 100, л. 229 об. — 230.

⁷⁶ Там же, д. 3, т. II, л. 564, Набоков — Терещенко 20(7). X. 1917.

⁷⁷ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 102.